

Игорь ИГНАТЕНКО

член Союза писателей России,
выпускник БГПИ 1964 года

От редакции. В последние годы признанный мэтр поэзии Дальнего Востока Игорь Игнатенко радует читателей нашего альманаха не только своей замечательной лирикой, но и добротной прозой, в том числе таким, например, шедевром, как «Кумарский утёс» (№ 16). Новый рассказ Игоря Даниловича – из числа лучших его прозаических текстов малой жанровой формы.

МЕДОВУХА

Рассказ

Из Возжаевки Даниил возвращался довольный. Ещё бы! На складе медикаментов армейской части бывший сослуживец Павел Кутковой не поспешил. Начальник медсанбата в объёмистый брезентовый рюкзак поместил коробки ампул и таблеток, упаковку со шприцами, скальпелями и другими инструментами. Мягкими пачками со стерильными бинтами и ватой обложил трёхлитровую бутылку с медицинским спиртом.

– Слеза ребёнка! – щёлкнул ногтем по тёмно-синему стеклу низенький и полноватый Кутковой. – Девяносто пять градусов. Любую заразу на корню косит.

Приятели хохотнули и понимающе переглянулись. Даниил посмотрел внутрь рюкзака.

– Тут ещё место осталось, Пал Григорич. Не тащить же мне домой возжаевский воздух. Раскошеливайся дальше, не скупись. Родина тебя не забудет.

Ставя под завязку пару коробок с пилюлями и порошками, перетянутых крест-накрест серыми бинтами, начмед пояснил:

– Повезло тебе, товарищ бывший военфельдшер. Этим лекарствам срок годности вышел в том месяце. Так что ты, Маляренко, вовремя подоспел, иначе списали бы вскорости и утилизировали.

– Побойся Бога, Григорич! Чего бы этим снаббьям сделалось за пару недель сверх срока годности?

– Так инструкция велит. Армейские уставы нарушать не положено, сам знаешь. Да ты не волнуйся, гражданскому хворому народу списанная медицина не повредит. Проверено неоднократно. Не ты первый за помощью приходишь.

Военврач передал наполненный рюкзак хозяину. Сняв фуражку и утерев потный лоб рукавом некогда белого халата, поинтересовался:

– Значит, после комиссии тебя в начальники двинули? На повышение пошёл?

Даниил кивнул головой в штатской кепке-восьмиклинке и отшутился в рифму:

– Иначе какой бы я был хохол...

Запирая дверь склада на увесистый замок, помеченный инвентарным номером, Кутковой предложил:

– Заглянем ко мне, на посошок примем по мензурке. Чтобы ржа внутри не завелась от тыловой жизни.

Солнце катилось к полудню, июльский воздух обдавал жаром. И если бы не ветерок с расположенного поблизости аэродрома, терпеть зной было бы невозможно.

В пропахшем карболкой свежепобеленном приёмном кабинете санчасти начмед указал Даниилу на кушетку. И пропел хрипловатым баритончиком куплет из популярного кинофильма:

Мы приземлимся за столом,
Поговорим о том, о сём
И нашу песенку любимую споём!

Затем раскрыл дверцу стального сейфа, выкрашенного синим колером, и достал литровый прозрачный флакон с плотно притёртой конусовидной пробкой. Содержимое составляло половину ёмкости. По всему видно, что флакону скучать в заточении долго не приходилось.

Разливая спирт по гранёным стаканам до половины, капитан уточнил:

– Ты разводить будешь или запьёшь опосля?

– Зачем же продукт портить? – прищурился так, словно уже совершил глоток, Даниил. – Как начальство, так и я.

Чокнулись и выпили, обжигая досуха гортани, за победу над Германией. В суровом молчании помянули погибших. Закусывая говяжьей тушёнкой и по-домашнему вкусным армейским хлебом с припёком, Даниил рассказал о своих новостях. Заодно не преминул поведать и о минувшем.

После комиссования из действующей армии по болезни Маляренко вызвали в облисполком и назначили заведующим отделом здравоохранения во вновь организованный Советский район. «Там будет твой трудовой фронт. Больницу надо строить взамен старой. Райздоровский опыт у тебя есть. Так что принимайся за дело», – скомандовал главврач Исаков.

Приказы начальства, тем более в военное время, не обсуждаются.

Советский район, центром которого являлась Сосновка, раскинулся на северо-востоке области, занимая таёжно-степное пространство и пёстро разбросанные многочисленные участки возделанной земли, пригодной для выращивания пшеницы, ячменя и овса, а также культивирования сои. Травяные угодья давали корм коровам и овцам. Лесные массивы являлись постоянным источником древесины для строительства.

Население в большинстве состояло из переселенцев и их потомства. Основной костяк приходился на украинцев. Даниил был в их числе. Шестнадцатилетним подростком отправился из приднепровской Черкащины с семьёй дядьки по материнской линии Матвея Маляренко на Амур. За плечами школа-семилетка в родном селе Кошмаке. Грудь волновало огромное желание повидать белый свет. Плодородные чернозёмы на приусадебных участках худо-бедно кормили крестьян. Учитывая, что колхозные амбары были выметены подчистую ретивыми сборщиками зерна, уполномоченными партией на сбор средств для индустриализации, домашняя корка хлеба не давала помереть. Однако хотелось лучшей доли, новых возможностей для роста. Конечно, жаль было покидать отца Сергея Захаровича, инвалида Первой мировой войны. Мать Степанида Корнеевна дала жизнь семерым детям, из которых Даниил был старшим. Разумеется, его руки нужны в дому, но родители перечить не стали.

Приехали на Дальний Восток, стали обживать на станции Завитой. В две мужских силы вскоре воздвигли дом, благо для переселенцев стройматериалов здесь не жалели. Дядька с подборной лопатой пошёл на топливный склад швырять уголёк для паровозов. Даниил устроился в прокуратуру секретарём ворошить бумаги. Два года помогал служителям Фемиды блюсти законы. А затем прискучило сдувать пыль с папок, плодить

новые «дела». Тем более что прокурор отбил охоту к работе своей любимой поговоркой: «Дайте мне человека, а статью закона я ему подберу». Людские страдания и слёзы тронули сердце начинающего правоведа.

Вскоре покинул Даниил дядькин дом и отправился в Благовещенск. Поступил в фельдшерско-акушерскую школу. Хотелось не карать людей, а исцелять от различных болезней. Через три года в составе краснознамённой группы отличников учёбы получил «красный» диплом. К тому же, будучи старостой группы, успел стать членом ВКП (б). Перспективы открывались заманчивые. Серьёзный молодой человек получил назначение на пост заведующего Благовещенским районным отделом здравоохранения. В двадцать четыре года – это не пустяк. И не беда, что для командировок по сельским медпунктам приходилось искать попутный транспорт. Порой оказия оборачивалась ездой в кузове грузовика, а то и на тряской телеге. В распутицу выручали длинные ноги. Пешком отмахивал иной раз по просёлкам за день до полусотни километров с гаком.

Кормился скудно, какие в ту пору были столовые да рестораны в колхозах и совхозах? Хорошо, добрые люди приглашали к столу. В летнюю пору спал порой на сеновалах, в стайках, слушая вздохи жующих сено коров и лошадей. Своего собственного угла в Благовещенске не имел, ютился в общежитии молодых медиков. Народ собрался холостой, весёлый, не обременённый лишним имуществом и запасами продуктов. С утра успевали до похода на службу заправиться жидким чаешком из утробно булькавшего в кухне титана. Обед заставлял врасплох, и, если удавалось раздобыться тарелкой супа, картошкой-толчёнкой, украшенной маленькой, в детскую ладошку, котлеткой и стаканом киселя – о большем и не мечталось. Остатки обеденного хлеба с куском колбасы шли на ужин.

Украинскому хлопцу, выросшему на материнских харчах, яблоках, сливах и грушах из собственного садочка возле хаты, подобная «перемёна климата» обернулась боком. Как тут было не заработать не только несварение желудка, но и чего похуже? Впрочем, по молодости лет об этом не думалось. Подумаешь, рези в животе! Хлебнул горяченького – и вперёд!

Однако заведовать благовещенским райздоровом долго не пришлось. Над миром распростёрлась грозная тень войны. Германия зарилась на украинские чернозёмы, бакинскую нефть, собиралась двинуть свои механизированные полчища до индустриального Урала. На Дальнем Востоке ждала своего часа Квантунская армия японцев. Каждый штык в Красной армии должны были

держат обученные и сильные руки. В августе 1939 года Верховным Советом СССР был принят новый Закон «О всеобщей воинской обязанности». Статья 12 разделяла командный состав РККА на четыре группы: высшую, старшую, среднюю и младшую.

Так очутился Даниил Маляренко вскорости в воинской части, расквартированной в Возжаевке. Как медику со средним специальным образованием, присвоили новобранцу звание военфельдшера. А это как раз средний начальствующий состав. Надел новоявленный командир френч с двумя кубарями на зелёных петлицах воротника. Летнюю пилотку цвета хаки зимой сменял суконный шлем с шишаком, получивший немало прозвищ, серьёзных и не очень. Старослужащие помнили прежние названия, бытовавшие с Гражданской войны: «ерихонка», «богатырка», а затем «фрунзевка» и, наконец, «будёновка». Острословы именовали сей предмет из-за вытянутого вверх остроконечного шишака «громоотводом», и даже додумались до «умоотвода». В народе же, а затем в литературе и искусстве закрепились «будёновка», прослужившая в иных частях верой и правдой до окончания войны.

Работы в тыловой армейской части военфельдшеру хватало. Новобранцам хворать не полагалось. Готовились к надвигавшейся войне. Учились оказывать медпомощь в полевых условиях. Требовалось срочно освоить применение обеззараживающих и обезболивающих средств и лекарств. При необходимости важно было владеть скальпелем.

Все эти премудрости Даниил постигал под командованием начальника медсанбата военврача третьего ранга Куткового, с которым успел сдружиться. Штат батальона был укомплектован с расчётом мобилизации и отправки на фронт в первые же дни войны.

И грянула война!

Перед формированием подразделения, готовящегося к переброске на запад страны, весь строевой состав проверяла строгая медицинская комиссия. Отбирали стопроцентно здоровых солдат и командиров. Под пулями и бомбами заниматься исцелением старых болячек будет недосуг.

— Вам, товарищ военфельдшер, с язвой желудка не только на фронт, в действующую армию нельзя, но и тыловая служба противопоказана, — подытожил председатель комиссии. — Увольняем подчистую. Уверен, со своей специальностью вы на «гражданке» пригодитесь.

Кто ж думал, что эта закавыка сохранит жизнь комиссованному офицеру. С огромной горечью узнал Даниил немного погодя страшную новость о гибели санитарного поезда, из которого был

списан. Узловая железнодорожная станция подверглась жестокой бомбардировке фашистской авиации. Погибли многие бывшие сослуживцы.

Именно накануне этого горестного события Маляренко направили в Советский район.

Так сурово вошёл в жизнь Даниила новый период самостоятельного существования. Сверстники давно обзавелись семьями, растили детишек. Захотелось и ему домашней обустроенности, семейного уюта. В двадцать семь лет это просто необходимо. Новая работа беспощадно забирала время и силы. Строительство районной больницы приносило массу хлопот. Приходилось самому выбираться в тайгу с бригадой лесорубов. Зимой на морозе махать топором, греться у костра, ночевать в щелястом бараке, хлебать из общего котла. Однажды подхватил воспаление лёгких. В ботинках и немудрено, не у каждого унты или валенки. Какой уж тут уют...

Однако молодость брала своё. В поисках бухгалтера для больницы съездил Даниил в Куйбышевку-Восточную. Там-то и познакомился с весёлой и общительной Ниной. Девушка после окончания десятилетки мечтала поступить в университет и выучиться на химика, но война круто повернула стезю. Пришлось поступить на курсы счетоводов. Требовалось помогать матери кормить двух младших сестрёнок. Отца в семье не было по причинам, которые мать утаивала от дочерей. Люди в ту пору пропадали порой бесследно. Заточение «без права переписки» наглухо отрубало минувшую жизнь. Дознаваться причин репрессий — себе же вредить.

В отделе кадров курсового комбината Маляренко познакомился со списком выпускниц. «Выбирай любую, все красавицы-холостячки», — добродушно посоветовал директор. Пробежавшись по графам успеваемости, Даниил остановил внимание на обладательнице отличных зачётных оценок по всем предметам бухгалтерской науки Нине Фокиной. Побеседовали. Невольно залюбовавшись кареглазой стройной девушкой, Даниил красноречиво стал уговаривать поехать работать в Сосновку. В чём и преуспел. Получив благословение матери, отправилась Нина в новую жизнь с чемоданчиком скромного приданого. В круговерти дел молодые люди находили часок-другой для встреч, привыкли друг к другу. Через год общения решили соединить свои судьбы. Свадьбу не играли, учитывая сложную обстановку и скромность личных средств. Райисполком выделил молодожёнам половину дома-пятистенка. И стали жить-поживать.

Молодая семья, несмотря на потрясения грозных лет, сплотилась в общих заботах. Тем более,

в положенный срок родился сын. Назвали Егоркой, стали пестовать, помогая друг дружке. Яслей и детсада в Сосновке в ту пору не было. Приходилось полагаться на собственные возможности. Выручали порой соседи, молодые незамужние медички. Детвора военных лет была предоставлена самой себе. Те, кто на своём ходу, с утра пропадали на дворах и улицах. Малышня обреталась по домам.

Вот и новорождённый Егорка разделил участь своих сверстников, коих назовут впоследствии «дети войны».

Убывая в Возжаевку за медикаментами, Даниил опережал события. Обычный канцелярский ход вещей предполагал вначале сдачу построенного объекта. Затем следовала постановка на баланс. Потом уже выделялись средства на содержание штата и поступающих больных, число которых округлялось до разумных пределов. Исходя из общих соображений, определялась медицинская часть расходов.

Но народ уже и сейчас нуждался в лечении. Больница будет готова к зиме, не иначе. Коробка строения стояла готовая вчерне. Требовалось раздобыть мебель и специальное оборудование. Те же печи для дровяного отопления без кирпича не поставишь, а его-то как раз и не хватало. Единственная транспортная сила – конь Гнедко. Зимой сани, летом телега. Под седлом бегать возраст не позволяет, сивина высветлила гнедую масть. Казалось, он и подковы-то поднимает с трудом, не то что поклажу, требуемую в хозяйстве.

Хворый люд не вникал в подобные расклады и шёл к Маляренко за помощью. Образование позволяло Даниилу практиковать по терапевтической части. Узких специалистов в штате, кардиологов или, допустим, урологов – раз, два и обчёлся. Фельдшерские центры по району разбросаны не густо, в ином селе и медпункта не сыщешь. А найдёшь, так нужных лекарств кот наплакал. Своими средствами не обойдёшься. Одна надежда на добрых людей. Вот и пришлось отправляться в Возжаевку. Спасибо бывшим сослуживцам, не позабыли Маляренко.

Ближайший поезд в сторону Поздеевки придёт через два часа. Оставив тяжёлый рюкзак в камере хранения, Даниил отправился в магазин. Купил Нине любимых ирисок «Кис-кис», ванильных пряников и пару баночек крабов «Снатка». В промтоварном отделе взял фланельку на пелёнки, целлулоидную погремушку и соску с колечком. Выпил шипучего квасу в скромном станционном буфете. В сквере подле вокзального здания сел выкурить «беломорину» и обдумать обратный

маршрут. Решил обязательно навестить в Верхнебелом старого товарища Ивана Ивановича Головки, заведовавшего фельдшерским пунктом. Надо узнать, как идут дела и чем требуется поддержать заслуженного лекаря. Жил Головки по-холостяцки уединённо. «Некогда мне пелёнки полоскать», – отшучивался бобыль. Всю энергию тратил на пациентов. И надо сказать, в колхозе имени Ильича мало кто хворал подолгу и бюллетенил за счёт трудяг-односельчан.

Скорый поезд «Москва-Владивосток» покрыл расстояние от Возжаевки до Поздеевки за полчаса. Даниил спрыгнул с подножки общего вагона на перрон и с рюкзаком за плечами двинул на привокзальную площадь. Увы, ни машин, ни гужевых попуток не оказалось. Раньше, в довоенное время, отсюда до Сосновки ходил автобус. Но с началом войны маршрут отменили.

«Ну что ж, пешком, так пешком, дело привычное», – невесело пошутил Даниил. Оставалась надежда, что на пятидесятикилометровом отрезке от железной дороги до районного центра его подхватит кто-нибудь. Июльские дни длинные, светлые. Топай себе по дороге от кустика до кустика, от мостика до мостика. Считай деревеньки, которых будет по ходу всего-то три.

Солнце спускалось к линии горизонта. На свежачка отмахал единым духом шесть километров. В кочковатой пойме открылась панорама Верхнебелого. Имя селу дала речка, струящая аквамаринный поток из болотистых северо-восточных низин к широкой и полноводной Зее в её нижнем течении.

Изба Головки стояла в центре поселения, рядом с фельдшерским пунктом. С умом поставили местные колхозники эти два строения. Ночь-полночь – далеко ходить фельдшеру не требуется, если нужда какая возникнет. «Наш Эскулапий кого хошь на ноги поставит», – довольно балагурили ильичёвцы. И действительно, медикаментозное врачевание Иван Иванович освоил по всей номенклатуре имеющихся в поселковой аптечке снадобий. Он выписывал журнал «Сельский врач» и был в курсе новаций народного здравоохранения. Скальпелем владел уверенно. Удалить аппендикс или грыжу трудовую – тоже не проблема. На более серьёзные полостные операции не покушался. Тяжелобольных отправлял в город за сотню километров. Больница в Куйбышевке-Восточной выручала безотказно. Но всё-таки куда легче будет после ввода в строй районной больницы.

Даниил отмахал вдоль улицы с полверсты, минуя амбары зернового двора и животноводческие постройки. Вот высокая изба с красным флагом над входом – это сельсовет. Белый крест на дверях – фельдшерский пункт. За ним прята-

лась в черёмушных купях усадьба Головки, обнесённая почерневшим от времени штакетником. В палисаднике бушевали георгины и гладиолусы, мальвы и чернобрицы. Сама изба – типичная украинская мазанка под драночной крышей, в три окошка на улицу – белеет за черёмухами. На гибкой ветке крайнего дерева сидела, свесив голые ноги, незнакомая белокурая девчонка. Подол сиреневого платяшка нагужали рясные чёрные кисти. Раньше никто посторонний не лазил в садочке Ивана Ивановича, побаиваясь строгого хозяина. Да и зачем лазить, если в селе на задах огородов в изобилии произрастают дикие яблоньки и кусты черёмухи?

– Почём ягода? – вместо приветствия шумнул Даниил, снимая лямки рюкзака и ставя его на лавочку возле калитки.

Сборщица плодов перебралась с ветки на ствол, ловко соскользнула и встала, придерживая задранный до трусиков подол с добычей на весу. Длинные худенькие ножки с загорелой кожей украшали коросты на коленках. Удлиненное личико с большими голубыми глазами выражало скорее любопытство, нежели испуг. Губы, перепачканные черёмушным соком, сложились яркой пуговкой.

По всему видно, девочка не из пугливых.

– Счас деда позову, – сообщила она пришельцу и шустро высыпала добычу в тазик, стоявший под кустом. Подол украшали фиолетовые пятна. Очевидно, девочка ещё не знала толком, что черёмушный сок не отстирывается ничем.

Мелькнув босыми пятками, верхнебельская Дриада взбежала на невысокое крыльцо, откинула марлевою занавеску с проёма и скрылась внутри избы. Вскоре появился невысокого роста и средней комплекции хозяин в соломенном бриле на голове, облачённый в белый халат.

– А где белая шапочка, доктор? – не теряя шутивого настроения, поинтересовался Даниил. – Приём на дому ведёшь? Одевайся по полной форме в таком разе.

Головки приложил ладонь козырьком ко лбу, защищаясь от заходящего солнца.

– Тю-тю-тю, помогай, Боже! Никак ты, Даниил Сергеич?

– Он самый, друже мой Иван Иванович, – выразил почтение гость.

Последовали крепкие мужские объятия.

– Какие ветры занесли в наши края? – спросил, сдвигая шляпу на затылок, седовласый хозяин. И тут же спохватился: – Чего это я тебя на крыльце пытаю? Ты, поди, голоден с дороги, устал. Вон чоботы дуже пыльные. – И крикнул в сумрак избы: – Оксана, деточка, налей-ка в умывальник дистиллированной «аш два о».

Девочка мигом появилась, зачерпнула ковшиком из бочки, стоявшей под карнизом, дождевой воды. Наполнив рукомойник, повесила рядом на гвоздик полотенце.

Помыв руки и сполоснув лицо, Даниил взбодрился. Встреча с земляком, приехавшим на Дальний Восток с Полтавщины ещё в двадцатых годах, сулила долгий разговор. Иван Иванович любил покалякать по душам. Они сразу сошлись характерами, поскольку имели общие интересы. Крепко соединяло их землячество, воспоминания о родных краях.

Ужинать решили в садочке под грушей. Оксана помогла накрыть на стол. В центре исходила паром молодая картошка, вываленная из чугунок на большое деревянное блюдо. Пластики аккуратно нарезанного сала занимали тарелку рядом с ломтями хлеба, улёгшимися прямо на скатерть. Хлеб в колхозе пекли из ячменной муки с примесью пшеничной. Хоть чёрный, да свой. Притом не по карточкам, а согласно потребности и выработке.

– Деточка, сбегай на огород, нарви зелени! – попросил Головки.

Помощница умчалась. Даниил кивнул вдогонку и поднял брови.

Иван Иванович понял вопрос без слов.

– Сиротинка. Местная, Шкляреникина. Батяка трактористом работал, мать дояркой. Степан на фронте погиб зимой, а Фрося месяц назад умерла от разрыва сердца. От инфаркта, то есть. Сельсовет собирался отправить в детдом, родных у неё тут никого. Ну, я и предложил ко мне перебраться. Она согласилась. Так что в отцах не ходил, сразу дедом заделался...

– Значит, ты всё ж-таки удочерил её?

– Выходит, именно так. В паспорт только не записал пока, в районе это дело оформляют. Времени нет.

В глазах Головки светился тёплый огонёк. По всему видно, обвыкся старый бобыль с круглой сиротинкой, впустил в сердце.

Даниил принёс от калитки рюкзак, принялся развязывать тесёмки. Отсыпал ирисок, поделился пряниками. Сюда же и баночку крабов добавил. Когда ухватился за горло бутылки, Иван Иванович протестующе замахал руками.

– Ты это побереги. У меня есть эквивалент, – и принёс из кладовки длинногорлую «гусыню» тёмного стекла. – Спиртом в больнице пользуйся, как наука велит. А мой напиток и разводить не треба. Первачок! По народной технологии. Давай-ка за одоление врага всего человечества, – с этими словами он наполнил старинные хрустальные рюмки, невесть каким чудом добравшиеся с Украины и сумевшие уцелеть.

Чокнулись. Выпили и принялись закусывать перьями лука, огурцами и помидорами, доставленными с огорода Оксанкой, успевшей помыть овощи той же «аш два о». Сало и разварная картошка насыщали Даниила по-домашнему, в охотку.

Утолив голод, придвинул девочке сладости. Та как раз разливала чай по чашкам. С улыбкой похвалил.

– Ты, я вижу, у дедушки первая помощница.

Оксанка скромно потупилась. Зато Головка расцвёл в довольной улыбке.

– Она у меня хлеб даром не ест. В лекарствах разбирается не хуже медсестры. Таблетки там, пилюли разные, порошки – всё ей ведомо. И микстуры составит в пропорции. И черновой работы не чурается – воды принести, полы помыть дома и в медпункте. Не поверишь, она и куховарить горазда.

Девочка полыхнула румянцем даже сквозь шоколадный загар на щеках.

– Да мне и не тяжело вовсе! – чуть слышно прошелестела Оксанка.

Сумерки постепенно проникали под кроны деревьев. Жара спадала, образуя на цветах палисадника капельки росы. В селе начали переключку петухи, возвещая окончание дневных дел. Наплывала особая деревенская спокойность. Лишь у сельсовета тархтел тракторишка, крутя привод электрогенератора, дающего «лампочкам Ильича» желтоватый накал.

Товарищи принялись обсуждать самое главное событие этих дней на западном фронте. Курская дуга напряглась, подобно гигантскому луку, выпуская на врага стальные стрелы танковых армий, корпусов, бригад и полков. Всего в кулак собралось с нашей стороны около пяти тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок. Это в семь раз больше, чем в контрнаступлении под Москвой, и в пять раз больше, чем под Сталинградом. Почти такие же силы сосредоточили немецкие войска. Фашисты уповали на новейшие танки «Тигр» и «Пантера», самоходные артиллерийские установки «Фердинанд». Им противостояли лучшие советские танки Т-34 и КВ. И, что важнее всего, на стороне русских была сила духа. Фашисты же утратили этот главнейший компонент боевой мощи. Наступал решительный момент в смертельной битве двух противников. Двенадцатого июля грянула кульминация – сражение на Прохоровском поле. Лоб в лоб столкнулись две смертоносные силы.

Казалось, за тысячи вёрст долетал на Дальний Восток грохот сражения, сплошной рёв моторов, лязганье металла, взрывы снарядов, дикий скрежет разрываемого железа... От выстрелов в упор

сворачивало башни, скручивало орудия, лопалась броня, взрывались танки. От попаданий в бензобаки машины мгновенно вспыхивали. Открывались люки, и танковые экипажи пытались выбраться наружу. Терялось ощущение времени, бойцы не чувствовали ни жажды, ни зноя. Одна мысль, одно стремление объединяли советских воинов – пока жив, бей врага. Наши танкисты, выбравшиеся из своих разбитых машин, искали на поле вражеские экипажи, тоже оставшиеся без техники, и уничтожали их из пистолетов, схватывались врукопашную. В небе схлестнулись воздушные армии, довершая апокалиптическую картину невиданного в мировой истории сражения.

К окончанию дня битва завершилась. Перешедшие в атаку советские войска отбросили немецкие армии на юге Курской дуги к исходным позициям. Сжатая пружина обороны распрямилась в стремительном наступлении. В ходе войны обозначился решительный перелом.

Тыловой народ жадно принимал к радиоприёмникам. Каждое слово очередной сводки новостей Совинформбюро падало в душу и вливало новые силы. Впереди маячили ждущая освобождения громада Украины, рубежность Днепра, близость западных границ. Остановить Красную армию было уже невозможно.

Узы оккупации, сковывавшие два года семьи беседующих медиков, обещали вскоре рассыпаться в прах. Всего тяжелее оказалось не иметь весточки из родных мест. Оставалось только надеяться на лучшее.

– Нина кем порадовала? – спросил Иван Иванович, состоящий в приятельстве с семьёй Маляренко. Бывая в Сосновке, с пустыми руками не заходил. То мясца подбросит, то мешок картошки в кладовку занесёт. Баловал и медком.

Даниил расцвёл в улыбке:

– Сынишку родила в начале мая.

Головка протянул руку и крепко пожал ладонь молодого отца.

– Как нарекли солдатику?

– Егором.

– В честь Георгия Победоносца?

– И маршала Жукова тоже, – добавил Даниил.

– Дай Бог вашему Егорию никогда не воевать, – глубоко вздохнув, произнёс Иван Иванович.

Спать легли в избе, хорошо хранившей прохладу. Гостю постелили в большой комнате, которую в здешних краях именуют «залой». Девочку Иван Иванович уложил в невеликом закутке, где помещались топчан да тумбочка. Сам лёг в домашнем кабинете на кушетке, рядом со шкафом с лекарствами.

Старенький тканый коврик, украшавший стенку, напоминал Даниилу родную отцову хату. Та же незатейливая пёстрая вязь разноцветных лоскутков напольной дорожки. Тот же запах жилья, приученного к бережливости в быту.

Мерное тиканье часов-ходиков над кроватью постепенно склонило в дрему. Приснился Егорушка. Он гулил требовательно, теребил материнскую грудь и, причмокивая, сосал молочко. Нина вполголоса напевала колыбельную песню.

Под утро привиделась война. Пикирующий самолёт с чёрными крестами на крыльях и фюзеляже летел прямо на него. Сквозь лобовое стекло злобно смотрел в упор фашистский пилот в шлемофоне. Сейчас он нажмёт гашетку пулемёта, и Даниила не станет. Спасения нет! И вдруг самолёт свечой взвился в воздух и пропал в облаках. Но тут появился танк, наводя дуло пушки на беззащитную цель. У бруствера окопа лежала граната, единственная защита от бронированного чудовища. Однако рука не может дотянуться до неё. Рывок, другой – граната падает в окоп. Танк нависает над головой скрежещущими гусеницами. Остаётся кричать в голос, чтобы прогнать наваждение.

– А-а-а!

Кто-то тормозит Даниила за плечо. Он просыпается, с усилием раскрывает глаза и пытается сбросить остатки сновидения. В полумраке над ним склонился человек. Голос успокаивающий.

– Даня, проснись! Приснилось чего? – Иван Иванович прекращает будить и садится на край постели.

– Это всё наши разговоры. Война, будь она неладна!

Даниил облегчённо выдыхает:

– Привиделось... Самолёты, танки...

Ходики на стенке качают кошачьими глазками вправо-влево. Половина пятого. Пора вставать, да по холодку двигать дальше. Вторые сутки, как он оставил Нину и Егорушку одних. Заждались отца, тревожатся, поди.

Тихо, чтобы не разбудить Оксанку, мужчины вышли во двор. Выпили чаю из термоса, закусили остатками вечерней трапезы. Недоеденные хлеб, сало и картофель Иван Иванович уложил в берестяной туесок.

– Это тебе на дорожку. Туесок я сам делал – Нине подарок за сына будет.

Даниил достал из рюкзака коробку с медикаментами. Отделил часть обезболивающих таблеток, пилюль сердечных добавил.

– Негусто, брат, извини, – положил дарение на столик под грушей. – Чем богаты, тем и рады.

– Всякое подаяние есть благо, – пропел шутливо, налегая на «о», подобно дьячку, Головки.

Напутствуя в дорогу, Иван Иванович напомнил о волках, которых расплодилось немало за последнее время. И хотя летом они менее всего опасны, однако надо быть настороже.

– Надеюсь, ты не с голыми руками?

– Маузера с них будет достаточно, – похлопал Даниил объёмистый наружный карман рюкзака, где лежал пистолет в деревянной кобуре.

Расстались у калитки. Крепкое рукопожатие передало друг другу добрый настрой. Когда теперь увидятся? Район немаленький, пешком не находишься. Площадь свыше десяти тысяч квадратных километров. Это целый Кишр с «довеском». Тридцать два поселения. Правда, жителей негусто и до войны было, а сейчас и вовсе поубавилось. И двух человек на квадратный километр не выходит. Но все колхозы и совхозы выполняют планы поставок зерна, мяса и молока. Шлют в закрома Родины продовольствие для армии и тыла.

По-хорошему, в каждом селе полагалось иметь медицинский пункт. На самом деле получить первую помощь возможно далеко не везде. Медиков катастрофически не хватает.

Покидая Верхнебелое, Маляренко оглянулся. Головки продолжал стоять у калитки, помахивая брилём. Теперь ему не так одиноко, приёмная дочка добавила смысла в жизнь. Хоть невеликая, а всё же поддержка. Иван Иванович беззаветно предан профессии. Ради сохранения здоровья односельчан не жалеет собственного. Трудится днём и ночью. Если надо, отправляется врачевать в соседние сёла. Бескорыстный подвижник, целитель народный.

Подписывая представление Головки к награждению орденом Ленина, Даниил всей душой желал исполнения заветной мечты старшего товарища. Документы ушли бродить по инстанциям ещё зимой. И вот, накануне вояжа в Возжаевку, позвонили из краевого управления здравоохранения и сообщили, что представление рассмотрено «положительно». Но говорить Ивану Ивановичу об этом не стал. Надо дождаться самой награды. Неровен час «положительное решение» может обернуться скромной медалькой, каковых у Головки за прежние годы набралось немало. Чего зря тревожить пожилого человека?

Появление солнца над горизонтом словно разбудило дремавший ночью воздух. Поймав дуновение утреннего ветерка, пешеход снял кепку. Рослый, худощавый и не слишком-то широкоплечий, был Даниил Маляренко по-славянски русым. Зачёсанные назад волосы освежила настоящая на волнующем аромате степных трав воздушная стихия. А вон другая стихия – вода, взблескивающая в зеркалах озёр, озёрушек, стариц и речек.

Стихия огня начала свою работу с восходом солнца. Стихия земли разворачивала перед человеком свои загадочности.

Глубоко посаженные глаза украинца-степняка впитывали окружающие краски. Поражала неизбежность красоты дальневосточной природы, ни в чём не уступавшей Приднепровью. А в широте и размахе даже превосходящей оставленные в юности садочки-ставочки.

Вокруг расстилалась тёмно-лиловая степь, поросшая ковылём, вейником, пыреем, полынью и другими травами. В безоблачном небе кружил чёрный коршун, высматривая добычу. Невеликие хищники кобчики облюбовали наблюдательные пункты на проводах телеграфной линии. На глиняных бугорках то там, то здесь торчали столбиками серо-жёлтые суслики. Увидав ходока, в придорожном клевере тоненько вскрикнул чибис с забавным хохолком на брюнетистой головке. Тут же, немного поодаль, раздалось хлопанье крыльев, но в воздух никто не взлетел. Крупная рыжевато-белая, с пестринами, птица кинулась бежать по ковылю, резво перебирая голенастыми ногами. Даниил успел разглядеть у беглеца пучки тонких белых перьев по бокам головы. Большая редкость даже в этой безлюдной и укромной местности – дрофа. Умчалась и пропала в полынных кустах. Прикинул по-охотничьи, какую добычу упустил. Самец килограммов на пятнадцать, не меньше. Только стрелять эту птицу запрещено, ибо успела за свою редкость попасть в Красную книгу. Столько было желающих полакомиться мясом дудака, как называют их на Украине.

– Страус ты наш дальневосточный! Ишь какой прыткий, – расчувствовался Даниил.

Через час хода по пустынной дороге, не тронутой свежим автомобильным следом, достиг Маляренко моста через речку. Белая в этом месте достаточно широка и глубока, чтобы проезжему транспорту довольствоваться бродами.

Завидев прищельца, взволновались кулички-перевозчики и принялись перелетать с берега на берег, едва не касаясь воды. Казалось, птахи ищут убежища понадёжней поросших травой и кустарниками приречных песчаников.

– Перевезли бы на тот берег, чем попусту шнырять, – пошутил нарушитель спокойствия обитателей укромных мест.

Сняв рюкзак, раздевшись и повесив одежду на перила моста, Даниил зашёл в воду, осторожно раздвигая резучий осот. Длинные стебли рогоза, украшенные бархатистыми коричневыми початками, щекотали тело. Родниковые струи освежали чистотой и прохладой. Нырнув, поплыл, широко загребая руками. Через пару десятков гребков но-

воявленный Ихтиандр уткнулся в песок на правом берегу, раскрыл глаза и увидел прямо перед собой жёлтенькую трясогузку. Птаха размером с воробышка, длинноносая, в серой шапочке на головке, помахивала длинным хвостиком и таранилась на человека. Очевидно, приняв Даниила за большую рыбину, тут же упорхнула от беды подалее. Известное дело: дальневосточные сомы и утку могут заглотить, не то что мелкого куличка или трясогузку.

Грудь слегка ломило от напряжения. Помахав руками и восстановив дыхание, лёгкими саженками, прищёпывая ладонями по зеркальной воде, возвратился к мосту.

Белобокая сорока сидела рядом с одеждой, словно сторож на переправе. Она покосилась круглым чёрным глазом на человека и принялась заполошно трещать во весь голос, извещая округу о прищельце.

– Ладно, ладно, – урезонил Даниил вещунью. – Сейчас уйду. Успокойся. Ещё накличешь волков.

Сорока и впрямь замолкла, словно понимала человеческую речь.

Оставив по правую руку болотистую пойму реки, усеянную тёмно-фиолетовыми ирисами, по гравийке взобрался Даниил на откос сопочной гряды, поросшей невысоким дубняком и тонконогими берёзами. В пойме на окружённом камышами островке гнездились даурские журавли. Они, словно часовые в чёрно-белых мундирах, вытянув длинные шеи, наблюдали за округой. На озёрных коряжинах кое-где восседали клювастые пасмурные бакланы – удачливые рыбалеи. Высмотрит зазевавшегося ротана, кинется мигом, ухватит и на лету тут же заглотит. И опять сидит на ветке, обсыхает.

Всякая живая тварь исполняет свой долг. Одни прячутся от хищников, другие ищут оплошавших. Идёт вековая война за пропитание и места для проживания. Но мир животных бледнеет перед алчностью человека. Война в который раз доказывает эту истину.

Даниил потрянул головой, отгоняя невольную философскую думку.

С вершины сопки стала видна панорама Знаменки, вытянутой вдоль единственной улицы километра на полтора. Маляренко вскоре дошёл до своротка к селу, но решил двигаться основной дорогой. Экономил время, хотелось побыстрее добраться до Сосновки.

То и дело из дубняка выскакивали на трассу фазаны. Обычно это была парочка: расфуфыренный петушок и серенькая курочка. Постояв на обочине и убедившись в безопасности, птицы перебежали на другую сторону шляха, пятная пухлую пыль звёздочками лапок.

В одном месте, ближе к распадку между сопками, повстречалась лисичка. Мелькнув рыжей шубкой, шмыгнула в соевище, куда отправились на кормёжку фазаны.

Уже три часа в пути. Пора и перекусить.

Даниил уселся в тенёчке под раскидистой чернокорой берёзой. Достал туесок с провизией, неспешно подкрепился. Запил прохладным квасом, бутылку которого Головка заботливо присоединил к туеску.

Хорошо! Теперь бы прикемарить. У Джека Лондона в его рассказах о золотой лихорадке на Клондайке содержится секрет выносливости индейцев. Даниил его крепко усвоил. После длинного перехода аборигены отдыхали вдосталь, максимально восстанавливая силы. И только затем отправлялись в путь. Иное дело «чечако»: пройдут новички быстро малое расстояние, коротко отдохнут – и опять в дорогу. К середине маршрута окончательно выбьются из сил и не могут идти дальше.

Значит, экономить на отдыхе не стоит. Время наверстается в пути. С этой мыслью Даниил вздремнул, опьянённый ароматом саранок и медуниц, росших в изобилии под маньчжурскими дубочками. И даже сон какой-то начал разглядывать, да всколыхнулся от не покидающей заботы. Надо идти, только помощника недостаёт. И, не мешкая, вырезал из берёзового подростка палку поухватистее, обстругал сучки и заострил на конце. Вот вам и бадик, дружок подорожный.

Третье село имело доброе старинное имя – Святоруссовка. Здесь трасса тоже шла в обход, оставляя путникам право выбора: двигаться прямо или сворачивать к людскому жилью. Отсюда до Сосновки десятка два километров, пролежавших через поля, засеянные где пшеницей, где овсом, а где и гречкой. Берёзовые колки дробили ландшафт на отдельные нивы, которые связывали грунтовые тракторные переездки. Если идти налегке, то можно рассчитывать быть сегодня дома. Но рюкзак оттянул плечи, ноги устали спотыкаться на ухабах и колдобинах.

Меряя шлях длинными ногами, Даниил решил устроить себе остановку на пасеке, где начиналась тайга. Совхоз «Таёжный» держал в этих местах сотню ульев. Леспедеца, серпуха, дикая малина и виноград, вкупе с другими медоносами, позволяли пчёлам брать добрый взятки. Особенно солнечным летом, какое стояло нынче на дворе. Клёны и липы сулили нектар и пыльцу. Калина и смородина наливались соком после щедрого весеннего цветения. Вишня и черёмуха тоже исполнили свой сладкий долг. Мало кто ведает, что немало пыльцы и нектара выделяют ивы и берёзы. А ведь есть ещё сирень и адонис, элеутерококк и

аралия, амурский бархат и секуринага. Об этом поведал Даниилу в прежние посещения пасеки её хозяин Степан Филиппович. Лекцию целую прочитал, прежде чем дал мёду для больницы.

«Пообедаю у Филиппыча, пережду жару – и айда мерять остатние вёрсты до Сосновки». Так решил Даниил окончательно, хотя, если бы знал, чем это обернётся, на пасеку бы не пошёл. Но соломку мы стелем уже после того, как ушибёмся.

В зыбком мареве над полями утопала дорога. Порой её перебежали бурундучки, подняв столбиком хвостики. Но вот на ней проявилось серое пятно, движущееся с таёжной стороны, начало расти и вскоре приобрело очертания крупной собаки. Откуда ей тут быть? Святоруссовка далеко позади, до пасеки тоже не близко.

Даниил припомнил напутствие Головки, не медля остановился, быстро опустил рюкзак, вытащил маузер и снял с предохранителя. Бережного Бог бережёт. Одинокий волк ему не страшен, лишь бы не был бешеным. Тогда зверя может остановить только пуля.

Хищник замер в сотне шагов, подняв лобастую голову и всматриваясь в человека. Очевидно, решал, кто это преграждает дорогу: добыча или угроза ему самому. Затем развернулся, показав вытянутый палкой полинявший хвост. Конечно, волк!

Бить в цель или пугануть серого? Раненый волк очень опасен, особенно если это волчица, вышедшая на охоту ради своих щенят.

Пока Даниил лихорадочно размышлял, волк словно провалился под землю. Только полынь у кювета и кусты чертополоха колыхнулись и замерли среди тенистого дубняка.

Поблагодарив провидение за благополучный исход нежелательной встречи, Даниил осторожно пошёл вперёд, не выпуская пистолета из руки. Мало ли кто там впереди за поворотом? Пот заливал глаза из-под глубоко надвинутой кепки. Скорей бы просёлок на пасеку! Мышцы одеревенели от напряжения, адреналин бурлил в крови и не давал успокоиться.

Наконец показался свороток на пасеку. Там, в сосновом бору, проезд теснился между деревьев, за каждым из которых чудился зверь. То вывороченный корень упавшего старого ствола походил на волка, то густой куст орешника принимал очертания медведя. И только когда впереди слышался лай собаки и показались ворота усадьбы, оцепенение прошло.

– Угомонись, Полкан! Свои, не видишь? – урезонивал собаку появившийся из омшаника Филиппыч.

Гостеприимство пасечника не знало меры. Видимо, соскучился по людскому общению в сво-

ей глуши. Налил воды в тазик умыться с дороги. Мыла, военного дефицита, не пожалел. Подал полотенце.

Проведя гостя под навес у летней кухни, предложил утолить жажду.

— Щя в погреб слажу. Уж больно хорошо выбродила, только в холоду и не бушует, ндрав смиряет.

Чуток погода Филипыч появился буквально из-под земли с деревянным ковшем в руках. Чудный аромат шибанул в ноздри.

— Квас что ли? — уточнил Даниил, припадая воспалёнными губами к наполненной шипучей влагой благоухающей посудине.

— Есть и квасок. Дюже забористый! Но супротив этой не выстоит. Спробуй, не пожалеешь, — потчевал Филипыч. — Пей до дна! На то нам эта влага и дана, — скоморошествовал пасечник вдогонку глубоким глоткам гостя.

Залпом осушив ковш, Даниил зажмурился от удовольствия.

— Аква вита! — воскликнул он, утирая губы. И протянул опустевшую ёмкость хозяину. Без лишних слов ясно: усталый путник желает добавки.

— Можя пообедаем, а потом уже повторишь? У меня борщ свежий. Хлебца утресь испёк ситного, — предложил пасечник.

Даниил помотал отрицательно головой.

— Не скупись, Филипыч. Обед от нас не убежит.

Выпив с расстановками второй ковш и утерев рясно выступивший на лбу пот, Маляренко почувствовал, наконец, как унялась дрожь в коленях и сердце заработало ритмично. Посмотрев по сторонам, увидел под навесом повети телегу с остатками свежескошенной травы в кузове. На ней хозяин привёз, видимо, сено с покоса. А вон и копёнка у стайки.

Попросил, удивляясь, отчего язык тяжело ворочается во рту:

— Я прилягу... Чтой-то ноги гудят... А потом уже и до борща доберёмся.

Филипыч внимательно взгляделся в глаза Даниила. Усмехнулся по-отечески.

— Вижу, тебе и впрямь не до борща. Ложись, отдыхай.

Солнце вывершило дневную траекторию и палило всей мощью. А в повети, продуваемой

таёжным ветерком, царила уютная прохлада. Туда Даниил занёс и поставил под телегу рюкзак с медикаментами. Разувшись, сняв штаны, куртку и пропотевшую рубаху, растянулся на духмяном сене. Голова кружилась от земляничного настоя, а пуще от выпитой медовухи. Земной шар закрутился, убыстряя бег, меняя, как в калейдоскопе, цветные картинки перед внутренним взором изнурённого походом и приключениями человека. Про такой сон на Руси говорят — богатырский.

Проснулся Даниил по малой нужде. Ворохнулся на сене, соображая, где он и что с ним. Солнце спускалось к горизонту. Косые лучи достигали повети, но не палили с былой жаркостью. Ухватившись за борта телеги, Даниил потянулся с хрустом в суставах. «Вот это да, ничего себе продрых, — укорил он себя. — Давно бы дома был, а тут развежился на пасеке».

Вылез из-под старенького ватного одеяльца и удивился: откуда оно здесь?

Услышав шевеление гостя, в поветь заглянул Филипыч.

— Вставай, мил человек, — шумнул с усмешкой. — Проспишь всё Царствие Небесное.

— Часа три прихватил, никак? — извиняющимся тоном поинтересовался Даниил.

Пасечник добродушно хмыкнул:

— Ага, три! Да ишо сутки... Вот она што творит с человеком, медовуха-то. С её богатыри русские силушку копили на печи. Здоров спать, Сергеич! Извиняй, я тебя одеялушкой-то прикрыл от комаров. Ввечеру налетели, спасу нет! — И, чуток повременив, поинтересовался: — Обедать-то будем?

Наскоро похлебав борща, Даниил накинул на плечи паклажу.

— Спасибо, Степан Филипыч! Вовек не забуду твою доброту. Вот бы кто настоял такую медовуху, чтоб выпил и крепко заснул. А когда проснулся — кругом тишина, мир.

Пасечник помолчал, не спеша с ответом.

— У войны нет такого рецепта, дорогой наш фершал. Так что ещё повоюем.

4 июня — 2 сентября 2022 г.